

Наизнанку

Никогда ещё наша улица не казалась мне настолько плоской: ничего на ней нельзя было назвать объёмным, и даже покачивающиеся изредка деревья, скорее, напоминали gif-изображение, чем часть живой панорамы. Мир приобрёл форму картины. Я стоял перед ним, но не мог сделать ни шагу ему навстречу, каждый раз утыкаясь носом в нечто холодное и мутное. Единственное, что я мог делать, это разглядывать пейзаж сверху вниз: небо, обрывавшееся где-то на полукровке, было рассечено по диагонали тонкой чёрной полосой; уже на уровне глаз показывались крыши домов, а чуть ниже шли верхушки деревьев, в основном голых берёз, чуть реже елей и сосен; если спуститься взглядом по стволу, то можно увидеть пруд, покрытый рябью и утками, которых на улице в последнее время было намного больше, чем людей; последних я видел, только если полностью опускал голову, мысленно переходя дорогу, отделяющую пруд на окраине леса от двора(переходить её можно было почти не глядя, ведь машины теперь ездили по ней достаточно редко); парочки, пьяницы, бесстрашные подростки, реже спешащие на работу(прохожие часто могли принадлежать нескольким категориям одновременно) – вот те 5-10 человек, которых можно было увидеть во дворе или по берегам с водоёма с периодичностью минут в 10; дальше мир обрывался так же резко, как начиналось небо. Не знаю, сколько кивков я сделал, да и вообще сколько времени провел в одном положении, но этот пейзаж стал для меня замкнутый системой, в которой час от часа, а может и день ото дня, менялось лишь освещение. Все те же люди, те же деревья то покрывались ночным мраком, то обретали хоть какие-то очертания с восходом тусклого солнца. Нужно было что-то менять: я сделал отчаянный рывок, но мутный барьер вновь остановил меня. Но мне ли отчаиваться? Я привык, встретив препятствие, поворачивать назад, и сейчас это было единственным выходом. Обернувшись, я увидел здание, почему-то сразу показавшееся мне до боли знакомым. Это был одноэтажный дом примерно 4 на 3 метра, стены которого были увешаны и обставлены мебелью и другими вещами(видимо, хозяева собирались переезжать). К собственному удивлению я сделал к дому несколько шагов, пока не подошёл достаточно близко, чтобы разглядеть его поподробнее. У первой стены к моему удивлению стояла кровать, причём не разобранный и даже не освобождённый от спального белья; над кроватью висело две картины, изображавшие городские пейзажи Петербурга, а между ними располагался небольшой иконостас. С такой же лёгкостью, как я подходил к дому, мне удалось подойти к следующей стене. Она оказалась входной: дверь, находившаяся слева, у самого угла здания, не имела даже порога и стояла, прижавшись к земле, не защищенная ни замком, ни домофоном; над самым входом висела ещё одна картина, подпись на которой гласила: «Клим-Питер, Вечерний Ленинград»; в правой части этой стены стоял шкаф, который при отсутствии такового, можно было принять за подъезд, уж больно он был громоздкий; правее стояла ещё одна кровать причудливой конструкции(ножки её представляли собой дуги, прикреплённые по бокам ложа); на ней лежало много одежды, а точнее, валялось много тряпья, ещё не упакованного к переезду. Дом вызывал у меня все больше вопросов, и я решил продолжить обход. Следующая стена представляла собой мини-библиотеку, совмещённую с рабочим местом: над столом, заваленном учебниками и письменными принадлежностями, находились настенные полки с книгами, ни одна из которых, к моему удивлению, не была о Санкт-Петербурге. Четвёртая стена была самой заурядной: на ней была очередная картина, как-бы вдавленная в бетон, но в этот раз аж на полстены; на ней не было подписей, да что на ней нарисовано я сразу так и не разобрал; удивило лишь то, что на выступе, образованным «вдавленностью» картины, стояло несколько цветочных горшков. Дом был как будто вывернут наизнанку, что очень подрывало правдивость теории о скором переезде. Это здание одновременно и пугало меня и притягивало. Я с сотню раз обошёл его и с каждым из обходов мне все больше казалось, что замыкаюсь на нем ещё больше, чем на плоском пейзаже. Я успел выделить несколько особенностей здания: оно было единственным одноэтажным на улице, на стенах помимо полок и картин были ещё и обои, а самое главное - на стенах не было окон. Станным было и то, что за время, проведённое на вне дома, воздух на улице перестал быть

свежим, и с каждым обходом становилось дышать все труднее и труднее. Перед глазами мелькали уже не общие очертания стен, а лишь детали: Исаакиевский собор рядом с иконой Фёдора Сратилата, голубь, плывущий по пруду по картине «Вечерний Ленинград», часы и календарь на громоздком шкафу, новогодний свитер среди другого барахла на странной кровати, «Преступление и наказание» рядом с учебником геометрии и горшок с отколотым краем и мутное изображение в полстены. В какой-то момент стало так душно, что я бездумно начал бросаться от стены к стене, пытаюсь убежать от дома как можно дальше. Но он не отпускал меня. Каждый мой рывок от одной стены почему-то все время вёл к другой. Я уже бежал не от угла к углу, а из угла в угол. Глазами ища тот плоский мир, в котором хотя бы не было так душно, я рванулся из последних сил к четвёртой стене и упёрся носом во что-то холодное и мутное. Впервые я увидел, что именно изображено на этой «картине» в полстены: небо, по диагонали разрезанное тонкой чёрной линией, ниже крыши домов, чуть под ними деревья, окружавшие озеро, через дорогу о которого, далеко внизу, расстился двор, по которому шла пьяная пара спешащие на работу бесстрашных подростков. Круг замкнулся, стены сошлись, дом взмыл вверх, становясь лишь комнатой многоэтажки. Я распахнул окно, с подоконника упал горшок с отколовшимся краем и окончательно разлетелся вдребезги. Воздух ворвался в лёгкие, обогатил кровь кислородом, на мгновение вывернул меня. В этот момент меня не звали Фёдором, я не родился в Петербурге, и уж точно это была не моя комната. Я шёл пьяный с работы с девушкой своей мечты. Я поднял голову: небо не оборвалось, и даже провод, натянутый меж домами, не мешал обзору. В небе я видел Бога и мне не было стыдно перед ним, да он меня и не корил.

Все мгновенья когда-то заканчиваются, а стены замыкают в вечности. Как хорошо, что в этот момент даже законы жизни я вывернул наизнанку.